

Мачеха слегка изменилась в лице, но быстро восстановила прежнюю добродушную улыбку:

— Сяои, я действительно часто встречаюсь с врачами в последнее время, но всё это ради того, чтобы лучше заботиться о здоровье твоего отца. Ты можешь говорить обо мне что угодно, но лучше не произноси такие слова при отце. Он уже достаточно переживает из-за Сяояня, не стоит его снова злить.

Сыграв роль добродетельной женщины, мачеха, вернувшись к отцу, резко изменила своё поведение. Её глаза наполнились слезами, и она выглядела обиженной. Отец, естественно, спросил:

— Только что всё было хорошо. Что случилось? Сяои снова тебя обидела?

Мачеха, мастер притворства, ответила:

— Это не из-за детей. Сяои просто говорит слишком прямо. Всё из-за меня, после беременности я стала слишком эмоциональной, часто хочется плакать без причины.

На лице отца всё ещё оставалось недовольство:

— Это уже не первый и не второй раз. Похоже, мне нужно с ней поговорить, ведь ты сейчас беременна.

Мачеха мягко прижалась щекой к плечу отца:

— Не делай этого, Юаньтэн, не порть отношения с дочерью из-за меня. Если ты действительно любишь меня, просто проводи больше времени с нами после рождения ребёнка.

Этими несколькими фразами она мастерски изобразила понимающую и жертвенную жену, и старик Лу Юаньтэн, как всегда, попался на её удочку.

После похорон отец, поддерживаемый старшим сыном и мачехой, вышел из кладбища и уехал на машине. Спектакль наконец закончился, и как зритель, Лу Сяоянь готов был аплодировать. Какая прекрасная сцена отцовской любви и сыновнего почтения, какая трогательная семейная идиллия, какая фальшивая церемония прощания, какое отвратительное зрелище...

—

После того как все ушли, из тени деревьев вышла женщина в плаще с короткой стрижкой. Она наклонилась, положила букет белых гладиолусов и долго стояла в одиночестве, прежде чем уйти, глубоко вздохнув перед новым надгробием Лу Сяояня.

Это была Шэн Куан, бывшая жена Лу Сяояня. Отбросив эмоции, они были подходящей парой, красивыми и успешными, вызывавшими зависть у многих.

Корпорация «Цзиньдин Энтертейнмент» семьи Шэн была старейшей звукозаписывающей компанией на Лидао, которая взрастила несколько звёзд, покоровших Азию и весь мир, и завоевала множество музыкальных наград. К сожалению, в последние годы индустрия звукозаписи пришла в упадок, и компания столкнулась с финансовым кризисом. В этот сложный момент семья Лу предложила сотрудничество, и две семьи быстро нашли общий язык.

Чтобы укрепить доверие, семьи Лу и Шэн решили заключить брачный союз. Таким образом, Лу

Сяоянь и Шэн Куан, не имевшие ранее никаких отношений, были насильно связаны узами брака и вскоре провели пышную свадьбу, став законными супругами только на бумаге. Шэн Куан, прямолинейная и открытая, сразу же заявила, что её сердце уже принадлежит другому, а Лу Сяоянь признался, что ему нравятся только мужчины. Эти двое, которые никогда не смогли бы полюбить друг друга, неожиданно нашли общий язык и стали близкими друзьями.

Но Лу Сяоянь даже не подозревал, что это «сотрудничество» было обманом. Семья Лу никогда не собиралась выполнять эти планы, они хотели лишь использовать репутацию семьи Шэн в отрасли, чтобы привлечь инвестиции от крупных международных компаний, а затем поглотить семью Шэн. Не подозревая об этом, Лу Сяоянь стал пособником своего отца и старшего брата. Позже он несколько раз противостоял отцу в вопросах, касающихся семьи Шэн, и их отношения стали натянутыми. Но сколько бы он ни протестовал, это не принесло никакого результата.

Их брак продлился всего год, и, не имея детей или финансовых споров, развод прошёл легко. После оформления документов Лу Сяоянь пригласил Шэн Куан на обед, и после еды они спокойно попрощались. Один сказал «до свидания», другой — «береги себя», и в конце Шэн Куан, как и сейчас, глубоко вздохнула, глядя на спину Лу Сяояня...

—

После нескольких дней тишины на кладбище появились трое мужчин.

Первый сидел в инвалидной коляске, с небритым лицом и уставшим видом, весь его облик свидетельствовал о похмелье и растерянности. Тот, кто толкал коляску, выглядел туповатым и неуклюжим, с некрасивым пивным животом, из-за которого его костюм казался слишком маленьким. Третий, шедший позади, был одет в блестящие туфли и строгий галстук, с золотыми очками на носу, настоящий холодный профессионал, хотя его молодое лицо уже было покрыто седыми волосами.

Человек в коляске — Линь Гуанлэ, туповатый — Дай Чжию, а профессионал — Цай Шимо. Все трое были давними друзьями Лу Сяояня. Они вместе окончили школу и университет, а затем основали рекламную компанию под названием «Тяньсин», полные энтузиазма и готовые покорять мир.

В то время Лу Сяоянь был полон энергии и амбиций, он хотел добиться успеха без помощи семьи, чтобы доказать отцу и старшему брату свою состоятельность и почтить память умершей матери. Четыре друга, каждый в своей области, быстро взялись за несколько крупных проектов, и дела компании пошли в гору. Но удача длилась недолго. В то время как они наслаждались успехом и мечтали о светлом будущем, из-за ошибки Лу Сяояня, подписавшего проблемный контракт, все прибыли были потеряны в качестве компенсации, и компания «Тяньсин», созданная с таким трудом, была вынуждена закрыться.

Этот удар стал холодным душем для Лу Сяояня, погасив его амбиции и энтузиазм. Он провёл много лет в раскаянии и самообвинениях, боясь снова попытаться начать своё дело. В глазах отца он окончательно стал «человеком с большими амбициями, но неспособным справиться с ответственностью», потеряв возможность конкурировать со старшим братом. С тех пор Лу Сяоянь начал вести разгульный образ жизни.

После этих событий Цай Шимо уехал в Великобританию для дальнейшего обучения, Дай Чжию поссорился с Лу Сяоянем из-за женщины, а Линь Гуанлэ столкнулся с банкротством семьи и стал инвалидом, погрузившись в пьянство и сон, чтобы убить время. Когда-то полные

энтузиазма друзья, мечтавшие покорить мир, были разбросаны судьбой в разные стороны.

После долгого молчания Линь Гуанлэ первым заговорил:

— Дайтоу, Амо, стоя перед могилой Сяояня, вам нечего сказать?

Не получив ответа, он медленно повернулся к Цай Шимо:

— Амо, у меня есть вопрос, который мучает меня уже семь или восемь лет... Тот контракт... Это ведь ты подстроил, верно? Это была не ошибка Сяояня, правда?

— О чём ты? — Дай Чжию посмотрел на Линь Гуанлэ, затем на Цай Шимо. Лицо его выражало неверие.

Цай Шимо снял очки и начал протирать их уголком одежды:

— Когда «Тяньсин» начал набирать обороты, Лу Сяочэн попросил меня следить за Сяоянем и найти способ разрушить компанию. Я отказался, и тогда он пригрозил раскрыть факт взяточничества моего отца, когда тот работал в информационном отделе, и отправить его в тюрьму. Он боялся, что успех Сяояня угрожает его положению. У меня не было выбора... После закрытия компании мне было стыдно смотреть вам в глаза, поэтому я уехал с Лидао, не попрощавшись... В любом случае, Але, спасибо, что тогда не разоблачил меня...

Ещё одна неожиданная правда, но сейчас Лу Сяоянь уже не удивился и не разозлился. Когда-то он рвался начать своё дело, отчасти под влиянием старшего брата, но оказалось, что это был лишь хорошо спланированный заговор. Его подняли на вершину, а затем сбросили вниз, сломав настолько, что он уже не смог подняться. Ирония в том, что он до самой смерти оставался в неведении.

— Ты сволочь! Предатель! — Не дожидаясь, пока Цай Шимо закончит, Дай Чжию ударил его. — Сяоянь был таким гордым человеком, если бы не этот удар, он не стал бы таким, каким стал потом!

<http://bllate.org/book/16461/1493602>